

Маргарита Коженевская

В гостях у Серафимы Моисеевны

Самые яркие воспоминания оставляет в нашей памяти период, когда мы были детьми. Это касается как приятных и безоблачных моментов, так и печальных, трагических, от которых, во что бы то ни стало, хочется избавиться. Остаются с нами и воспоминания о традициях, обрядах, которые мы не без интереса наблюдали в родительском доме. Это все передавалось из поколения в поколение, чтобы сохранить для потомков, несмотря ни на что. Поэтому приятно было пообщаться с лепельчанкой Серафимой Моисеевной Лынько (в девичестве Аксенцова, 1946 г.р.), которая с удовольствием поделилась своими воспоминаниями о еврейском прошлом Лепеля, о традициях своей семьи, обо всем том, что хранится в памяти с тех далеких детских лет.

Она сразу призналась, что гордится своим еврейским происхождением, потому что представители ее народа никогда не убивали людей, они очень дружны между собой, всегда готовы прийти на помощь. Но с сожалением говорит о том, что евреев в Лепеле остается все меньше и меньше. Причин здесь несколько, но первая и главная из них – это Вторая Мировая война, ко-

торая повлияла на судьбы многих жителей Беларуси. Не стала исключением и семья Серафимы Моисеевны.

Жизнь родителей текла своим чередом, у мамы, Софьи Марковны, была семья в Лепеле, муж военный и двое детей. Папа, Моисей Яковлевич Аксенцов¹, со своей семьей жил в Камени – местечке, находящемся в нескольких километрах от Лепеля. Но все изменилось с началом войны. Мама с двумя дочерьми и бабушкой Евгенией Яковлевной Двоерман была эвакуирована в г. Самарканд, что и позволило им избежать участи большинства евреев Лепеля. Ее первый муж во время войны пропал без вести. Семья отца была расстреляна вместе с остальными евреями местечка Камень, которым не удалось покинуть оккупированную Беларусь. Отцу же удалось спастись благодаря тому, что он ушел в партизаны.

После войны многие люди, сумевшие выжить в столь тяжелое время, возвращались в родные места. Так поступили и родители Серафимы Моисеевны, которые вернулись в Лепельский район, где в скором времени познакомились и поженились.

*Серафима Моисеевна делится своими воспоминаниями
(фото М. Коженевской)*

Героиня нашего интервью родилась в 1946 г. в местечке Камень Лепельского района, а в 1947 г. семья переехала в Лепель. Многие евреи работали врачами, учителями, заготовителями, некоторым удавалось занять руководящие должности в райпотребсоюзе, сельсовете и т.п. Отец Серафимы Моисеевны работал заготовителем.

Как до войны, так и после еврейское население селилось по улице Володарского², там же некогда находилась синагога. Многовековые традиции получали продолжение и в советское время: бедные семьи были закреплены за богатыми, которые к субботе пекли булки и раздавали их малоимущим, чтобы те также могли почувствовать праздник.

Дружеские отношения складывались у евреев и с белорусами. Они всегда старались соседски быть рядом. Нередкими были случаи, когда соседи-белорусы знали идиш. И сегодня такие люди еще живут в городе. Серафима Моисеевна рассказывала о Варе Лях, живущей по улице Володарского. Она некогда дружила с еврейскими семьями, что позволило ей выучить язык, такой не похожий на ее родной.

В то же время героиня нашего интервью не отрицала, что периодически возникали антисемитские настроения, которые являлись одной из причин отъезда еврейских семей из Лепеля в Америку или Израиль.

После войны вернувшиеся из эвакуации евреи старались по возможности соблюдать традиции: отмечали религиозные праздники и совершали совместные молитвы. Правда, это было нелегко. Синагоги не было, поэтому люди собирались в доме одного из жителей города и там молились. В 1948 г. в Лепеле действовала незарегистрированная синагога в частном доме Хаима Мошевича Славина. Молитвенные собрания, которые посещали до 40 верующих евреев, проходили также и на других частных квартирах под руководством Хаима Мошевича Славина и Мовши Кастринича Анхира.

Почитать традиции своей семьи старались и родители Серафимы Моисеевны. Всегда праздновался Песах. К этому празднику в Лепеле пекли мацу в доме пекаря Штейнгарта. Мама Софья Марковна всегда фаршировала рыбу. Готовила она и блюда из мацы, которую перемальывала на муку, добавляла туда яйца, жареные куриные шкварки с луком, потом замешивала тесто, из него катала клецки и варила в курином бульоне. Готовила также хремзелы: из мацовой муки делала аналогичное тесто, из которого формировала небольшие шарики и жарила их на сковороде на курином жиру. Серафима Моисеевна и сегодня готовит такие блюда.

Традиционное празднование Песаха с соблюдением необходимых обрядов Серафима Моисеевна наблюдала только в семье своей тети. Она вспоминала, что к этому празднику в доме не должно быть хлеба, все квасное собирали и относили на чердак. Для ужина использовалась специальная посуда. Варили обязательно компот из сухофруктов, фаршировали рыбу. Готовили также блюдо из тертых яблок с добавлением меда, что символизировало глину. На столе обязательно должна была быть специальная тарелка, на которую клали хрен, отваренную свеклу (или какой-то другой овощ), куриную ножку и отварное яйцо.

Дядя надевал талас, читал молитву, связанную с праздником Песах, делал омовение рук, а потом только все садились за стол. Во время ужина пили вино или виноградный сок.

Серафима Моисеевна помнит, как мама готовила настоящие еврейские блюда. Для приготовления тыгеле она делала тесто и раскатывала

тонкие жгуты, потом их мелко резала ножом и варила в меду. Эти жгутики застывали, их резали ромбиками, и получалась восточная сладость. Еще одно еврейское блюдо из маминой кухни – лекех, который делался на меду с добавлением тмина, и получалось, по мнению информанта, что-то вроде коврижки, только вкус был другой. Из селедки готовился форшмак. В семье также были популярны блюда из картофеля: драники (латкес), клецки с мясом, молочный суп с картофельными галушками. Из мяса евреи в основном отдавали предпочтение курятине.

Родители между собой разговаривали на идише, который Серафима Моисеевна понимает хорошо и сегодня, хоть признается, что читать и писать на нем не умеет. Помнит она и песни на этом языке, одну из которых (*Machateyneste taune*) с удовольствием спела.

Но не одними радостными моментами живет человек. Приходится сталкиваться и со смертью близких. У каждого народа это печальное событие сопровождается особыми обрядами и традициями. Серафима Моисеевна вспоминала, что евреев в гробу не хоронили, а выкапывали яму и обкладывали ее досками. Для умершего шили из белой ткани мешок – саван, а также специальную одежду (нечто похожее на кальсоны и рубашку, только с зашитыми рукавами и ступнями), на голову и лицо одевался специальный мешочек, чтобы на лицо не попадал песок. Хоронили в положении лежа, и руки умершего человека были расположены вдоль тела.

Покойник оставался на ночь в доме. Люди сидели возле умершего человека, и именно в это время шили мешочек – эртзэкела³. В него насыпали землю определенным образом и клали под голову. Эртзэкела обязан был шить только еврей, который не являлся родственником умершему. Правда, ситуации бывали разные. Мама Серафимы Моисеевны эртзэкела пошила себе сама. Женщина вспоминала, что как-то пришла домой, а мама ей говорит: «Доченька, я себе сшила эртзэкела. Старых евреев уже нет, а кто мне пошьет? Поэтому я решила сшить сама».

На тридцатый день после похорон ходили на кладбище. Поминальные столы делать было не принято. В Лепеле сегодня еврейское кладбище разделено на старое и новое. В новой части над-

писи на памятниках выполнены на русском языке, но на каждом присутствует звезда Давида.

Серафима Моисеевна чтит традиции своего народа и сегодня, что-то почерпнула из родительского дома, к чему-то пришла уже сама. Муж ее был православным, и ничто не мешало мирно существовать под одной крышей двум религиям. Вместе отмечали и одни праздники, и другие. Жили они дружно, вырастили двоих сыновей. Муж помогал ей во всем. Вспоминала она, как он делал ей подставку под ханукию.

Серафима Моисеевна очень интересный человек, она полна энергии, оптимизма и всегда рада гостям, и в этом можно было убедиться, пообщавшись с этой замечательной женщиной.

Эртзэкела (специальный мешочек для погребального обряда) (фото М. Коженевской)

Примечания

- ¹ О судьбе его семьи и о нем см. рассказ местной жительницы в статье В. Тухто в данном сборнике.
- ² До середины 1920-ых гг. она называлась Прудовая. См. о ней подробнее статью В. Кухтиной и Н. Савиной в данном сборнике.
- ³ Вероятно, происходит от идиш. “эрт” – земля, “зэкела” – мешок. См. об этом подробнее статью О. Беловой в данном сборнике.